

Письма съ Сахалина.

(Окончание.)

Я иду в каюту-компанию для последней беседы съ ставшими близкими мнѣ спутниками. Вдруг слышшь возгласы: «Эй ты, капитанъ! подай трап!» Или ты думаешь, что русскій—швейцаръ? Я не обезьяна, чтобы карабкаться по штурмъ-трапу! Мнѣ вдругъ стало какъ-то стыдно, обидно: я зналъ, что спутники не понимаютъ по-русски, но какъ замаскировать тонъ наглого требованія «Тигъ-Титыча», тревожащагося, что его «нраву преняттвуютъ». Я поспѣшилъ передать, что просить подъѣхавшіе къ пароходу спуска большой (железной) лѣстницы, потому что не могутъ подняться по веревочной. Моментально желаніе ихъ было исполнено. Прибывшіе на маленькомъ катерѣ, — ругаясь: «не видишь, проклятая душа твоя, посади анафема!» — вошли на палубу. Это оказались: полицейскій чиновникъ С — а и съ нимъ распорядитель погрузки шпалъ Б и капитанъ одной изъ шкумъ Я Компания трехъ пріятелей, державшаяся другъ съ другомъ на короткой нога, сразу нашла дорогу въ каютъ-компанейскую залу, сѣли какъ дома и потребовали выпивки, закуски; объясняясь по нѣмецки съ капитаномъ парохода Г. Я. Нужно было видѣть, какъ растерянно спѣшилъ угостить «дорожныхъ гостей» хозяинъ салона. Онъ вытащилъ весь запасъ имѣвшіеся у него заветнаго коньяку, потому что на скромное предложеніе столовыхъ винъ главный гость далъ отвѣтъ, что пьетъ только чистую русскую водку. Къ коньяку въ дорогомъ граненомъ графинѣ были поданы соответственно изысканія, но мало объешистыя рюмки; конечно, онѣ были забракованы, и неспѣсивые гости стали пить изъ стакановъ, съ быстротою проглатывая тоненькіе нѣмецкіе бутерброды съ сыромъ, рыбой, икрой, подкладываемые сбившимся съ ногъ боємъ. Ка-

питанъ не сидѣлъ, а стоялъ въ сторонкѣ; гости вели оживленный разговоръ между собою, начатый, должно быть, ранѣе. Узнавъ, что капитанъ имѣетъ на пароходѣ только одинъ небольшой боченокъ спирту для себя и ничего не можетъ уступить т. Б., компания стала, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, ругать окружающаго начальника, туго выпускающаго спиртъ въ частныя руки. Я смелъ долгомъ повторить свое имя и подчеркнуть, что явился жить, поселиться въ данномъ мѣстѣ, а вовсе не случайный туристъ. Мнѣ отвѣтили, что «они» хорошо все понимаютъ и что они не боятся никакихъ кризисовъ, потому что Чеховъ многимъ хотѣлъ повредить, да не успѣлъ: «у писателей еще руки коротки». Затѣмъ развязно меня начали посвящать въ мѣстные злобы дня. Г. Б. сталъ утверждать, что ему администрація навязываетъ въ качествѣ рабочей силы поселенцевъ, которые сильно измѣлованы тюремной жизнью, требуютъ сытной пищи, высокой платы, брезгаютъ даже японскою водкой «сагой», а просить непременно нашего спирту; между тѣмъ, какъ коммерческій расчетъ требуетъ примѣненія труда корейцевъ, японцевъ, причѣмъ обойдется дѣль дешевле и можно будетъ русскому промышленнику больше нажить на иностранномъ рынкѣ. Я было сталъ возражать на эти рѣчи, указывая, что администрація взяла правильное рѣшеніе, прилагая заботы къ приисканію новыхъ видовъ заработка для невольнаго населенія, что неприлично было-бы администраціи заботиться о скорѣйшемъ расхищеніи дѣ-

ных богатств острова. — «Что вы, что вы? прервал меня г. С — а: сейчас видно, что вы высказываете теоретические взгляды в родѣ нашего бумажного, кабинетного начальника. Штъ, дайте мнѣ округъ, я вамъ покажу-сь, какова должна быть правильная эксплуатация лѣса, да-сь! Это государственный расчетъ: можно брать пошлину съ лѣсопромышленниковъ, а не стѣснять ихъ въ выборѣ рабочихъ». — «А при вашихъ порядкахъ, чѣмъ-же будутъ заняты поселенцы?» — недоумевалъ я. — «А ихъ дѣло — проводить и поддерживать дороги въ глубь острова». — «Чтобы было удобнѣе наживаться лѣсопромышленникамъ». Добавилъ я, недоумѣвая, чѣмъ станутъ кормиться поселенцы безъ заработковъ, развѣ последние отойдутъ къ корейцамъ и прочимъ вѣрнымъ невольникамъ «купцамъ». — «Извините, я васъ останавливаю, — деликатно прервалъ меня г. С — а. «Я самъ человекъ новый, только годъ, какъ изъ Одессы, и знаю тамошніе порядки, все время по полициѣ служилъ, — и вамъ посоветую осторожнѣе выражаться. — а то вы у насъ можете всю каторгу взбунтовать; хорошо, теперь вы высказались между своими, въ честной компаніи, но вообще при каторжныхъ — нельзя-сь... У меня при длинной тирадѣ С — ы въ глазахъ помутилось: я не могъ взвѣсить, съ кѣмъ имѣю дѣло, не съ пьяными ли? или это — тѣ администраторы, во власть которыхъ теперь я долженъ войти на сушу съ международной областью — палубы немецкаго судна?! Но не успѣли эти мысли мелькнуть у меня въ головѣ, какъ слышу, г. С — а продолжаетъ: «а вотъ и они самые, дѣтки черти на поминѣ! Чего лѣзете, мерзавцы? Кто позволилъ бросить катеръ?» — «Мы не всѣ тутъ, ваше — ство, замерзали, ждемъ распоряженія в — ства обогрѣться». — «А понимаю! Ну, и теплые ребята, курицыны сыны! Капитанъ, прими-ка моихъ людей, разбей-ка свой боченокъ со спиртомъ»... Г. Я., объяснивъ капитану, что и какъ нужно сдѣлать, — закладывая разговоромъ, обратись ко мнѣ, онъ сталъ дока-

зывать, что, осмотрѣвшись, на Сахалинѣ можно и чиновнику обжиться. Такая тема расшевелила вновь г. С — у: «Идасть! алѣсь особые условия промышленности; хотя-бы возьмемъ почтеннаго собесѣдника Я. — онъ два мѣсяца назадъ на своей шкури повезъ въ Камчатку всякаго товара на 2000 руб., а теперь везетъ отъ кориковъ пушнина небось тысячу на шестьдесятъ»...

«Ну, гдѣ-же, — остановилъ рѣчь г. Я: развѣ я чиновникъ? и не строилъ мостиковъ въ 10,000 руб., про которые говорили-бы, что трудъ и лѣсопромышленныхъ, а плачено всего только за гвозди и краску». — «Какъ? изревѣть С — а: чиновникъ охъ трогать, а ты кто?»

Кончикъ вынесъ. Не знаю, до какой исторіи затянулся-бы эта бесѣда, если-бы не счастливый случай: въ каюту вошелъ новый гость въ формѣ — окружный начальник В. Моментально гости стали прощаться, и мы остались втроемъ; капитанъ предложилъ было закутить, и очень удивленъ, получивъ въ отвѣтъ просьбу не беспокоиться. Мирная интересная бесѣда велась у насъ оживленно, долго; чрезъ часъ капитанъ пригласилъ посмотреть его аптеку, — при этомъ выяснилось, что въ новомъ гостѣ онъ видѣлъ врача. Узнавъ свою ошибку, капитанъ покачалъ головою, сталъ вдругъ напряженно почтительнъ, не вѣря ушамъ своимъ, чтобы «начальникъ» не хотѣлъ ничего «спить»... Изъ разговора г. В. я вынесъ убѣжденіе, что онъ относится презрительно къ нарождающейся буржуазіи на Сахалинѣ, представляемой г. Б., бывшимъ уголовнымъ съсылнымъ, фельдшеромъ, — и знаетъ, на что способны эти «промышленники», ворочающие крупными суммами. Я ночь не спалъ. Но на утро ступилъ смѣлой ногой на поданный катеръ: хоть иадъ правды отстою же я.

Н. К.

Н. В. Кирилловъ

Груст. П. Ф. Якубовича